

О. С. Нагорная

Женщины в структурах советской культурной дипломатии холодной войны: пространства мобилизации и практики соучастия

Место женщин в структурах советских внешнеполитических репрезентаций эпохи холодной войны отражает впечатляющую разницу между образом СССР как страны реализованного гендерного равноправия, превратившимся в своеобразный бренд соцлагеря, и институциональными практиками. На всем протяжении периода официальные институты советской внешней политики оставались воплощением патриархальности. Как демонстрируют исследования П.-Л. Сикса, в МГИМО квотируемое поступление девушек допускалось только на те факультеты, окончание которых не предполагало дальнейшей деятельности в зарубежных представительствах и на ведущих должностях в МИД. Дверь в мужской мир элитного дипломатического образования приоткрывалась в основном для дочерей видных партийных руководителей и то в перспективе их брачных стратегий¹. Напротив, сфера культурно-дипломатической деятельности превратилась в управляемое и контролируемое пространство женской активности: участие женщин в различных (квази) общественных организациях всячески поощрялось, в том числе в целях поддержания имиджа социалистического лагеря на международной арене. К презентации советских достижений зарубежной общественности активно привлекались представительницы творческих профессий

*Нагорная
Оксана Сергеевна*
д-р ист. наук,
проф., Ярославский
государственный
педагогический
университет
(Ярославль, Россия)

(В. Василевская, А. Барто), носительницы медийного капитала (В. Терешкова, Л. Космодемьянская), функционеры женского движения (Н. Попова, Т. Захарова). В свою очередь, в качестве одной из ключевых целевых групп, способных к восприятию советских культурно-дипломатических посланий, оценивались иностранные активистки, особенно из стран третьего мира.

В настоящей статье будут описаны пространства вовлечения женщин в формирование и трансляцию советских культурно-дипломатических посланий эпохи холодной войны, а также оценены многогранные взаимоотношения акторов культурной дипломатии с партийно-государственными институтами как результат реализации взаимных интересов и борьбы за социальный капитал. Помимо властных дискурсов и институциональных практик, в центре анализа находятся вопросы постепенной профессионализации активисток в сфере культурно-дипломатической деятельности, а также смены поколений. Важным исследовательским объектом выступают представительницы зарубежной общественности, вовлеченные в практики советской культурной дипломатии периода глобального противостояния.

К анализу привлечены материалы Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ и Российского государственного архива новейшей истории. В их фондах отложились документы советских партийных, государственных и (квази)общественных организаций, отражающие дискурсивные, институциональные и в некоторой степени индивидуальные измерения советского женского движения и его активности на международном уровне.

Международное женское движение эпохи холодной войны в исторических исследованиях. С недавних пор международная активность женских организаций, в том числе из стран социалистического лагеря и так называемого третьего мира стала предметом целого ряда исследований. Историю создания Международной демократической федерации женщин (далее — МДФЖ) и учредительного конгресса организации в Париже 1945 г. как первую попытку укрепить женское движение, минувя расовые, национальные, религиозные и социально-экономические границы, реконструирует Ядвига Пипер-Муни. Для участниц конгресса, особенно из стран третьего мира, это был впечатляющий опыт солидарности женщин на фоне господствовавшей у них на родине гендерной и этнической сегрегации. Автор подчеркивает, что обращение к истории женского антифашистского движения в национальном и международном измерениях открывает перед исследователями возможности изучения гендерных взаимоотношений и множественность вариантов использования женщинами международных связей в целях трансформации местных патриархальных структур². Франсиска де Хаан анализирует развитие МДФЖ в динамике холодной войны. Если в ранний период создания и становления организация отличалась относительным плюрализмом позиций и жаркими внутренними дискуссиями, то установление доминирования коммунистического влияния привело к лишению МДФЖ в 1954 г. консультативного статуса в структурах ООН и постепенному угасанию активности организации в целом³. Челии Донерт удалось показать сложное напряжение между феноменами коммунистического интернационализма, правами человека и феминизмом в третьем мире на

примере миссии МДФЖ в Северной Корее. Автор подчеркивает, что в рамках антифашистского женского движения относительно рано развиваются дискуссии о необходимости защиты прав женщин и детей⁴, которые лишь в 1970-е годы станут предметом жаркого обсуждения на глобальном уровне. Маргарите Поулос смещает хронологическую границу возникновения темы прав женщин и детей на период гражданской войны в Греции 1946–1949 гг., обозначая МДФЖ как одну из наиболее известных и активных женских глобальных платформ послевоенного периода⁵.

Вовлечению национальных организаций в международное движение также посвящен ряд работ. Кьяра Бонфильоли изучает феномен женского интернационализма времен холодной войны на примере итальянских и югославских женских организаций и пересматривает оценки национальных союзов МДФЖ лишь как цепочек распространения советской пропаганды. Она призывает к более диверсифицированному анализу феномена женской антифашистской активности. По ее мнению, важным следствием интернационализации движения стало размывание национальной идентичности посредством налаживания воображаемых и реальных связей через границы первого, второго и третьего миров. Исследования Бонфильоли демонстрируют, что политическая агентность женщин органично интегрировала в себя не только миротворчество, но и производство образов врага и социальный контроль⁶. Кэтрин Макгрегор смещает оптику исследования женского интернационализма в деколонизованные страны, что позволяет ей реконструировать конкуренцию новых государств за лидерство в антиимпериалистическом движении и определить участие национальных женских обществ в МДФЖ в качестве социального капитала в глазах местных политических организаций⁷. За рамками анализа последней статьи остается вопрос, насколько поддержка Советского Союза расширяла или сужала пространство действий для местных активисток.

Ралука Мария Попа подчеркивает, что на фоне относительной изученности женской активности в деколонизованных странах периода холодной войны вопрос об участии социалистического Востока в этих процессах до последнего времени маргинализировался. На примере организации и проведения в Румынии в 1975 г. Международного года женщин, объявленного резолюцией ООН, автор демонстрирует, что, несмотря на расхожие исследовательские представления о «государственном патриархате» в странах социалистического лагеря, женские инициативы часто шли вразрез с господствующими идеологическими установками и политическими шагами⁸. Недостаточный уровень исследования опыта международной женской солидарности в социалистических странах также подчеркивает Кирстен Гудси, изучающая болгарское женское движение⁹. Напротив, с критикой описанного выше ревизионистского взгляда на женские организации социалистического лагеря выступила Нанетте Функ. Автор призывает более детально и в каждом отдельном случае заново решать вопросы определения агентности, степени ее наполнения и выраженности. Сквозь призму дифференцированного взгляда, по ее мнению, можно более дисперсно представить пространства и периоды допустимой активности, смену позиций

государства по отношению к женскому движению и в конечном счете эффекты этого взаимодействия для самих женщин¹⁰.

Работы по истории советского женского движения и его международной составляющей в послевоенный период представлены в основном институциональными исследованиями (Антифашистского) Комитета советских женщин и биографиями ведущих лиц данной организации. Характерным для этих публикаций остается отсутствие широкой контекстуализации женского интернационального активизма СССР в эпоху холодной войны¹¹. Перспективной здесь видится верификация на материалах международных контактов женских организаций гипотезы О. Хасбулатовой о гендерном мифе. Автор подчеркивает, что система советского регулирования жизнедеятельности полов превращала женщину в заложницу идеологических конструкторов и реально ограничивала ее активность в сфере управления¹².

Более детально проблематика советского женского активизма во внешнеполитических структурах в период хрущевской оттепели отражена в работах Мелани Илич, которая на примере отдельных биографий и пространств допустимой партиципации иллюстрирует противоречия эпохи между либерализацией и жестким социальным контролем¹³. На материалах журнальных публикаций и архивных документов международных конгрессов 1960-х годов автор реконструирует механизмы глобального циркулирования идей, ориентированных не только на женский опыт, но и на универсальные ценности миротворчества. Она приходит к выводу, что МДФЖ превратилась в одну из прорех в железном занавесе, связав активисток независимо от идеологических, политических, культурных, экономических и даже технологических барьеров¹⁴.

Находящееся в процессе становления поле историографического ландшафта остается достаточно дисперсным. Отдельные кейсы по истории идей и институций международного женского движения в годы холодной войны, а также весьма различные трактовки специфики положения национальных комитетов и их деятельности в местных условиях требуют дальнейшего развития, обобщения и критической трактовки.

Женская тема в советской внешнеполитической повестке холодной войны и институциональные пространства (не)свободы. Использование темы женского равноправия было одной из важных составляющих внешнеполитических репрезентаций СССР и стран социалистического лагеря в послевоенный период. Показательны дискуссии о первом списке лауреатов Международных Сталинских премий, состоявшиеся в 1951 г. на заседании комитета по вручению. Заместитель председателя комитета французский писатель Луи Арагон особо приветствовал включение в список кандидатуры председателя Союза французских женщин Эжени Коттон: «...прежде всего потому, что это женщина... очень хорошо, если в списке лауреатов и по возможности в первом списке будет фигурировать женщина»¹⁵. Идея о том, что накопленный в соцстранах опыт решения женского вопроса является образцовым, транслировалась на всех уровнях: в структурах глобальных межгосударственных организаций, в рамках специализированных мероприятий для зарубежной общественности, приезжающей в страны социалистического лагеря либо по-

тенциально заинтересованной в получении этой информации у себя на родине по каналам советской культурной дипломатии. В отчетах о пребывании в СССР представительниц национальных женских движений скрупулезно собирались высказывания делегатов, признававших глобальное первенство Советского Союза в решении проблем эмансипации: «Мы смогли убедиться в том, что равноправие женщин и мужчин осуществляется в Советском Союзе действительно на деле, что это право не просто записано на бумаге, что оно стало для граждан обычным делом» (Швейцария)¹⁶; «Полное равноправие мужчин и женщин в различных областях жизни придает Советскому Союзу особый характер, который свидетельствует о прекрасной организации и правильности существующего здесь строя» (Сирия)¹⁷. Индивидуальные отзывы и коллективные декларации делегаций торжественно подписывались в финале поездки и затем многократно цитировались в радиопередачах и газетных публикациях, в том числе в доступных зарубежных изданиях. Красной нитью в этих инсценированных посланиях проходило уравнивание вопросов равноправия полов и правильности социалистической модели.

Институциональным пространством канализации женской активности в СССР в послевоенный период выступал (Антифашистский) Комитет советских женщин (далее — АКЖ, КЖ), зарекомендовавший себя в ходе войны как эффективный канал влияния на зарубежную общественность. В 1956 г. АКЖ изменил название, изъяв из него понятие «антифашистский»: в отчетах присутствует объяснение, что данная приставка «в настоящее время вводит в заблуждение»¹⁸. В период начала «хрущевского культурного наступления» (Ф. Баргхорн)¹⁹ «рестайлингу» подверглись многие культурно-дипломатические проекты, например Сталинская премия мира была переименована в Ленинскую.

Включенность женской проблематики в политическую повестку разворачивающейся холодной войны и осознанная заинтересованность активисток женского движения в сохранении и укреплении своих позиций в системе советских (квази)общественных организаций через активизацию международной деятельности иллюстрирует обращение первого председателя АКЖ В. Гризодубовой в секретариат ВКП(б) 23 апреля 1945 г. В документе обсуждались перспективы послевоенной судьбы Комитета, подчеркивалась важность наработанных контактов, интерес международной общественности к проблеме женщин. Аргументы о необходимости сохранения АКЖ усиливались традиционными конспирологическими паролями: «Искренний и глубокий интерес широких женских масс к жизни женщин Советского Союза прекрасно учитывается буржуазными женскими организациями и такими влиятельными лицами, как Элеонора Рузвельт <...> Клементина Черчилль. Их общая тактика заключается в том, чтобы брать на себя инициативу дружеских связей с АКЖ и выдавать себя за истинных представительниц женщин своей страны <...> вместе с тем держать под своим контролем информацию о Советском Союзе»²⁰. Укреплению авторитета СССР должна была послужить инициатива создания международной организации женщин, которая позволила бы «использовать расхождение <...> и завладеть инициативой в левых демократических организациях

капиталистических стран»²¹. В традициях методов советского политического и культурного воздействия идея должна была исходить не от Советского Союза, а от нейтральной организации, в данном случае — от Союза французских женщин, одной из ведущих активисток которого выступала упомянутая выше Эжени Коттон.

Создание просоветской международной организации, концентрирующейся на работе с конкретной целевой социальной группой, стало частью коренного поворота в системе советских внешнеполитических репрезентаций в позднесталинский период, суть которого заключалась в том числе в отказе от целенаправленной работы лишь с отдельными левыми симпатизантами СССР в пользу массовизации целевых аудиторий²². Внутриведомственные дискуссии о необходимости активизации присутствия СССР в сфере международного сотрудничества в новом статусе державы-победителя привели к рождению целого спектра «репрезентативных проектов»: Международной федерации демократической молодежи, Всемирного совета мира, Международной ассоциации юристов-демократов и, наконец, МДФЖ.

О том, что Советский Союз вписывался в общие тренды развития среды интернациональной коммуникации в ранний период холодной войны, свидетельствуют попытки инструментализации федерации в политических целях со стороны всех стран-участниц. На одну из первых встреч исполкома МДФЖ многие делегатки приехали с готовыми материалами и даже заданиями своих правительств, превратив совещание в площадку обсуждения многочисленных конфликтных линий послевоенного урегулирования: «Делегатка Болгарии Аврамова намеревалась поставить вопрос о несправедливости мирного договора. С аналогичным намерением приехала делегация Италии. Представительницы Венгрии роздали участникам Совета меморандум, который говорит о тяжелом положении венгерского меньшинства в Чехословакии и заканчивается просьбой к Совету заняться этой проблемой»²³. Вопреки утверждениям многих исследовательниц о преобладании в МДФЖ на раннем этапе тематики прав женщин, отклики о первых собраниях свидетельствуют о доминировании в повестке актуальных политических тем, вложенных в уста женщин и озвученных ими. Иными словами, специфично гендерной проблематики в начальный момент не наблюдалось.

Ярлык «просоветский» одинаково мешал всем созданным в этот период на международной арене федерациям, советам, ассоциациям позиционировать себя как независимую и действенную площадку, а также затруднял работу советских (квази)общественных организаций за рубежом. Деятели КСЖ жаловались, что политическое противодействие со стороны правительств многих стран мешает им посетить оккупированные зоны Германии, колониальные страны и США. Советские активистки были вынуждены даже согласиться на то, чтобы интересы женского движения на некоторых важных мероприятиях начального периода биполярного противостояния представляли американки²⁴. Стигма просоветского характера МДФЖ принижала степень доверия к его решениям в национальных организациях капиталистических стран. Поэтому любые, даже кажущиеся, разногласия во мнениях приветство-

вались как доказательство свободы действий. Вице-президент МДФЖ Андреа Андреен подчеркивала: «...национальные организации имеют свое мнение, не поют в унисон, и поэтому не будут говорить про МДФЖ, что она действует по приказам из Москвы»²⁵. Тем не менее, несмотря на все старания, в 1954 г. федерация лишилась консультативного статуса при ООН, что должно было привести к утрате в глазах советских руководящих органов значимой части ее символического капитала.

Один из наиболее глубоких кризисов международного женского движения был вызван резким снижением действенности советских внешнеполитических репрезентаций после событий в Венгрии 1956 г. Видение ситуации в пользу СССР разделили лишь представительницы женских организаций стран народной демократии, Бельгии, Люксембурга, Австрии и Франции. Национальные организации Италии, Англии, Канады, Испании, Норвегии не только уравнивали действия СССР в Венгрии с агрессией Франции, Англии и Израиля в Египте, но и потребовали роспуска МДФЖ и поддержки других международных организаций, защищающих права женщин и детей. Как и многие творческие деятели (например, Ж.-П. Сартр), отдельные активистки международного женского движения демонстративно разрывали контакты с СССР. Моника Фелтон в отрытом письме в адрес КСЖ обвиняла СССР в массовых убийствах населения Венгрии, а советских женщин — в лицемерии и предательстве идеалов борьбы за мир²⁶. Представитель женской организации Польши Слава Соберийская после венгерских событий официально заявила о намерении покинуть федерацию, потому что она не согласна с позицией секретариата по венгерскому вопросу и утратила веру в слова советских деятелей, в правильность линии развития всего рабочего и женского движения²⁷. Данный конфликт продемонстрировал курирующим партийным органам СССР потенциал непредсказуемости и неуправляемости женского интернационализма.

С позиций современных исследований проблематика зависимости советских женских организаций от партийного руководства не может оцениваться как улица с односторонним движением и однонаправленностью давления сверху вниз. На фоне часто встречающихся жалоб от зарубежных коллег на постоянную нехватку денег и обращений за советским финансированием²⁸ функционеры КСЖ могли использовать все ресурсы мощной партийно-ведомственной машины СССР в своих организационных целях. В делопроизводственной переписке КСЖ отложились многочисленные обращения в ЦК партии об увеличении штата, о выделении дополнительного финансирования на непредвиденные расходы, о необходимости материальной поддержки мероприятий МДФЖ²⁹. Так, в 1947 г. штат Комитета был увеличен с 30 до 106 чел. с ежегодным зарплатным бюджетом в 869 тыс. 520 руб.³⁰ Помимо прямого финансирования, КСЖ имел возможность использовать материальную базу советских посольств, на которые возлагалась обязанность контроля состава делегаций, а также отслеживания в местной прессе откликов женщин, посещавших организованные в СССР специализированные мероприятия³¹. В качестве информационных каналов КСЖ выступала обширная сеть представительств ТАСС, корреспонденты которого получали распоряжения подбирать

материалы в целевых странах о положении женщин, о конкретных активистках и перспективных контактных лицах³².

Через высшие партийные структуры продвижение идей женского движения осуществлялось более масштабно и оперативно. Например, одним из проектов МДФЖ с 1950 г. стал Международный день защиты детей, превратившийся в СССР в одну из значимых ежегодных дат женского и семейного календаря. Обеспечить широкое распространение этой инициативы в унифицированных формах толкования и во всесоюзном масштабе комитет мог, лишь используя партийные структуры и находившиеся в их ведении прессу, радио, другие (квази)общественные организации. Разумеется, просветительская кампания была выстроена исключительно на дихотомических образах позитивной «заботы государства и партий о детях в странах социалистического лагеря и перманентного ухудшения положения детей в связи с гонкой вооружений в капиталистических, колониальных и зависимых странах»³³.

Деятельность активисток КСЖ не всегда носила исключительно формальный и пропагандистский характер, что демонстрирует, скажем, многолетнее сотрудничество с кубинским институтом детства. В то время как Минздрав СССР долгое время отказывался поддержать кубинские начинания по официальным каналам, специалистки-женщины через КСЖ выразили согласие приехать на Кубу и поделиться опытом. Непосредственные контакты, как свидетельствуют кубинские партнеры, были достаточно эффективными и позволили развить на Острове свободы с нуля целое направление деятельности³⁴. Конечно, во многих случаях возможности КСЖ были минимальными. С одной стороны, индивидуальные обращения в Комитет или редакцию журнала «Советская женщина» представительниц из стран социалистического лагеря и деколонизированных государств свидетельствуют о том, что созданные каналы коммуникации воспринимались как реальная возможность решить какие-то вопросы, в том числе сугубо женского характера, с другой — во многих подобных случаях Комитет мог ответить лишь формальными отписками со ссылкой на официальные органы³⁵.

Негативные эффекты вовлечения советских женщин в пространства международной деятельности проявлялись во вторжении интересов общественной активности в частную жизнь. После визита советской делегации в Китай в 1956 г. советский посол в Пекине устроил делегаткам КСЖ совещание и настоятельно рекомендовал пригласить китайянок с ответным визитом, более того, принять их в домашней обстановке; он возложил личную ответственность за это на председателя Комитета Н. Попову и подчеркнул необходимость регулярности подобных встреч «за чашкой чая»³⁶. Подобным образом камерное семейное пространство активисток волонтаристски превращалось в инструмент реализации политических задач. Кроме того, привлеченным к общественной деятельности на международном уровне женщинам нередко приходилось жертвовать собственными профессиональными мечтами и карьерными планами. Наиболее яркий пример здесь — Валентина Терешкова, мечтавшая о полетах в неизведанное, а не о церемониальных рукопожатиях. Отчеты КСЖ, посвященные поездкам делегаций в страны социалистического блока, иллюстрируют

степень загруженности выездных активисток и подчеркнуто инструменталистский подход к оценке эффективности их деятельности. Так, видную роль в налаживании и поддержании контактов с молодыми странами народной демократии на начальном этапе холодной войны играла Л. Космодемьянская, мать прославленной советской партизанки и автор многотиражной книги «Повесть о Зое и Шуре». В тексте отчета за 1956 г. ее активность оценивается следующим образом: «Особенно хорошо была использована Л. Космодемьянская, которая, кроме выступлений среди женщин, сделала восемь выступлений на массовых собраниях учащихся в школах, во Дворце пионеров и на митингах молодежи и студентов»³⁷. Разумеется, за пределами этой трезвой калькуляции остается оценка того, каких физических, интеллектуальных и эмоциональных усилий стоило подобное «перевыполнение плана».

Действующие лица и целевые аудитории советского женского движения. Включение женщин в сферу международной активности потребовало серьезной адаптации непрофессиональных дипломатов к новым условиям. И если в биографической литературе преодоление коммуникационных и культурных барьеров описывается как история успеха, базирующаяся на природных дарованиях конкретных активисток³⁸, то внутриведомственная переписка, напротив, свидетельствует о наличии конфликтных линий. В отчетных документах КСЖ, направленных в ЦК партии, отмечается недостаток политического и культурного уровня членов делегаций, «однообразие, безвкусьность и бесцветность одежды»³⁹. Развернувшиеся дискуссии вращались вокруг вопросов о необходимости обучения прошедших строгий предвыездной отбор делегатов умению одеваться, манерам поведения и общению с зарубежной аудиторией.

Постепенно состав самого КСЖ реформируется в направлении профессионализации функционеров. В актив комитета и состав многочисленных женских делегаций включались слушатели Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), Академии общественных наук, ведущие журналистки (в основном сотрудницы журнала «Советская женщина»), профсоюзные деятели⁴⁰. Судя по отчетам за 1949 г., в составе достаточно многочисленных заграничных делегаций КСЖ (на один лишь конгресс МДФЖ в Париже было отправлено 42 чел.) представители государственных и общественных организаций, науки, культуры и образования составляли 82 %, работники промышленных, транспортных и сельскохозяйственных предприятий — всего 18 %, что не исключало их высокопоставленного положения в данных отраслях⁴¹. Эти данные примерно совпадают со статистикой по составу актива КСЖ в 1956 г.⁴² Тщательный отбор кандидатов на выезд обуславливался необходимостью наглядно продемонстрировать успешность советских женщин в выстраивании карьеры и в общественно-политической сфере, а также способностью делегируемых отвечать на достаточно провокационные вопросы зарубежной публики в правильном ключе. Тем не менее даже подобный подход к формированию КСЖ и его делегатов за границей вызывал замечания со стороны зарубежных активисток о недостаточном политическом равноправии в СССР мужчин и женщин: справедливо критиковалось отсутствие последних на министерских постах и на дипломатической службе⁴³.

Смена руководящего состава советского женского движения в конце 1960-х годов вызвана изменениями международной среды в целом, приходом в нее нового поколения «медийных лиц». Показательно, что в момент очередного кризиса системы советских репрезентаций за рубежом после разгрома Пражской весны главу КСЖ Нину Попову, руководившую организацией со времен войны, сменяет харизматичная Валентина Терешкова, являвшаяся внеконкурентным и признанным во всем мире воплощением успехов советской женщины⁴⁴. К тому времени первая женщина-космонавт уже превратилась в устойчивый бренд советской культурной дипломатии, используемый в различных медийных средах за рубежом, включая фильмы, прессу, научные и потребительские выставки⁴⁵.

Отбор женщин в когорту неофициальных дипломатов проводился и по национально-территориальному принципу. Помимо представительниц Ленинграда и Украинской ССР, к зарубежным контактам, особенно с бывшими колониальными странами, привлекались активистки из советских среднеазиатских республик. Письма от их имени рассылались деятельницам азиатского и африканского женского движения с целью установления личных контактов⁴⁶. Образ просвещенной и эмансипированной женщины советского Востока стал одной из важных медийных составляющих советской культурной дипломатии: тематические брошюры и плакаты на данную тему издавались ко всем культурным и просветительским мероприятиям за рубежом⁴⁷.

Важными медиаторами советских гендерных посланий за рубежом становились жены советских послов, на которых возлагалась обязанность организации просветительских мероприятий, в том числе с приглашением представительств стран народной демократии и широкого круга местной общественности. Неотъемлемой частью праздников становились доклады на актуальные темы, часто выходившие за пределы сфер компетенции первых леди посольств, которые с удовольствием обращались в КСЖ за готовыми текстами и, скорее всего, без всякой рефлексии транслировали сформулированные в центре декларации⁴⁸.

На примере поездки Агнии Барто в Великобританию сложный характер взаимосвязи интересов государства и советских творческих деятелей, включая женщин, в сфере культурной дипломатии подчеркивает Алексей Попов. Он отмечает, что мобилизованные в целях культурной дипломатии представители творческой элиты «становились своеобразными заложниками своей международной миссии, которая давала им преимущественное право выезда за границу и обеспечивала более широкую известность и профессиональную самореализацию, но также заставляла их корректировать свои действия, встречи и публичные высказывания в соответствии с логикой глобального противостояния периода холодной войны»⁴⁹. Барто прекрасно вписывалась в транслируемые СССР вовне гендерные порядки, позиционируя перед зарубежной общественностью правильную детскую литературу как объект особой заботы женского движения по защите подрастающего поколения от тлетворного влияния комиксов.

Механизмы привлечения активисток зарубежного женского движения к контактам с СССР были весьма разнообразны, их спектр простирался от личной переписки до непосредственных встреч и вовлечения в тематические мероприятия внутри и за пределами Советского Союза. Ежегодно КСЖ принимал множество делегаций из разных стран и организаций, затем через конкретных лиц пытался установить контакты с национальными комитетами. Например, через путешествовавшую по СССР гражданку Новой Зеландии Кэтрин Лей была установлена связь с женской организацией Окленда. Бывшая домохозяйка настолько вдохновилась идеями эмансипации и миротворчества, что «с восхищением и большой активностью» выступала у себя на родине с докладами о Всемирном конгрессе матерей, Ассамблее народов мира в Хельсинки и о поездке в Советский Союз, регулярно отправляла рассказы об этом в КСЖ⁵⁰. Посетившую Москву и Ленинград в конце 1950-х годов Вирхинию Грейта функционеры КСЖ настойчиво просили передать «просьбу подругам из Альянса женщин Коста-Рики об установлении с ними более тесного контакта». Они добавляли: «Мы с удовольствием обменивались бы с ними журналами, книгами, письмами. Женщины нашей страны проявляют большой интерес к жизни коста-риканских женщин и детей, поэтому каждая весточка из вашей страны является для нас большой радостью»⁵¹.

В целом с делегатками капиталистических стран, которых заранее подозревали во враждебном отношении к СССР, велась очень осторожная работа. Помимо парадных объектов культпоказа, фигурировавших в списках делегаций развивающихся стран, в программу приходилось включать нетрадиционные места, которые интересовали делегатов в связи с распространенной в западных СМИ информацией об отсутствии в СССР свободы совести и о нарушении прав заключенных. Так, специально приглашенная в страну делегация ЭКОСОС и неправительственных организаций капиталистических стран пожелала посетить храмы разных конфессий, познакомиться с работой духовных семинарий, побеседовать с заключенными в Бутырской тюрьме⁵².

Сложность налаживания и поддержания контактов с представительницами западных государств заставляла функционерок советского женского движения держаться всеми силами за относительно дружелюбно настроенных коллег и всячески препятствовать их уходу с общественно-политической деятельности. В случае вице-председателя МДФЖ и председателя правления Демократического женского союза Западной Германии Лилли Вехтер, сообщившей о своем уходе с постов в связи с плохим состоянием здоровья, активистки КСЖ сочли возможным обратиться в ЦК с просьбой надавить на членов Коммунистической партии Германии (еще не попавшей под запрет в Западной Германии) и всеми способами попытаться сохранить Вехтер в составе движения⁵³.

Особым вниманием как потенциальные адресаты культурно-дипломатических усилий со стороны организаций советского женского движения пользовались представительницы деколонизированных стран. Часто их поездки по государствам социалистического лагеря превращались в пропагандистский марафон: посетив Советский Союз, они отправлялись в отдельные страны соцлагеря и были вовлечены в целую серию пропагандистских мероприятий

женской тематики. КСЖ учредил стипендии на обучение в вузах Советского Союза по представлению национальных женских организаций развивающихся стран. На 1982 г. при его поддержке в средних специальных и высших учебных заведениях обучалось 867 девушек из 62 стран Азии, Африки и Латинской Америки, более 200 к этому времени уже закончили учебу, вернувшись в свои страны не только квалифицированными специалистами, но и активистками международного женского движения⁵⁴. На фоне скупой информации внутриведомственных документов их дальнейшая судьба на родине требует дополнительных исследований, так как во многих странах активисты женского движения, особенно связанные с МДФЖ, подвергались политическим преследованиям. Хранившая у себя материалы федерации и журнал «Советская женщина» жительница Камеруна подверглась аресту по обвинению в хранении иностранной литературы⁵⁵. В 1960 г. из Конго по приглашению СССР не вылетела целая делегация, уже имевшая оплаченные советской стороной билеты, но не сумевшая преодолеть политические препоны собственного правительства⁵⁶.

Как и в других сферах советской культурной дипломатии, сами контактные лица из деколонизованных стран пытались использовать связи с СССР для получения финансирования своей деятельности, а также приобрести индивидуальный доступ к авторитетным во всем мире образовательным и медицинским организациям. Так, женщины Нигерии писали в Комитет: «[Необходима финансовая помощь] для всестороннего укрепления нашей организации, которое даст нам возможность быть достойными Независимой Нигерии и внести свой вклад в дело прогресса и развития нашей страны. <...> Мы вынуждены были прекратить свою деятельность по финансовым и политическим соображениям. Пожалуйста, пришлите нам свой вклад по вышеуказанному адресу или передайте непосредственно в наш выставочный центр»⁵⁷. О консультациях советских медиков просила делегация кубинских женщин, планируя свой визит в СССР⁵⁸. Возможность обучения своей дочери в Советском Союзе изыскивала активистка марокканского движения, назвавшая, кстати, свою племянницу в честь одной из функционеров КСЖ — Лидии Петровой⁵⁹.

* * *

Таким образом, факторами влияния партийно-государственных структур на степень инструментализации потенциала женского движения в международной среде выступало не только взаимное напряжение между ростом важности темы для зарубежной общественности и генетической патриархальностью советской системы, но и неразрывная связь женского вопроса с неудобным для властных структур широким контекстом обеспечения прав человека. И если внутри страны эта тематика была интегрирована в структуры советского мышления образами врага, то на международной арене она активно развивалась, ставя под сомнение транслируемый СССР вовне образ страны реализованного равноправия полов. Дезавуирование образа Советского Союза как основного хранителя мира сделало проблематичным использование советским женским движением миротворческих паролей. Как и в случае

Советского комитета защиты мира⁶⁰, с этого момента для КСЖ начинается этап жесткой формализации: женское движение превращается в большей степени в бюрократическую практику, сконцентрированную на мобилизации не столько внешней, сколько внутренней аудитории.

¹ *Six P.-L.* The party nobility: Cold War and the shaping of an identity at the Moscow State Institute of International Relations (1943–1991). PhD thesis. Florence, 2017. URL: <http://hdl.handle.net/1814/49328> (дата обращения: 29.06.2019).

² *Pieper Mooney J. E.* Fighting fascism and forging new political activism: The Women's International Democratic Federation (WIDF) in the Cold War // *De-Centering Cold War History. Local and Global Change* / eds J. E. Pieper Mooney, F. Lanza. London, 2013. P. 52–72.

³ *Haan De F.* Continuing Cold War Paradigms in Western Historiography of Transnational Women's Organizations: the Case of the Women's International Democratic Federation (WIDF) // *Women's History Review*. 2010. Vol. 19, no. 4. P. 547–573.

⁴ *Donert C.* From Communist Internationalism to Human Rights: Gender, Violence and International Law in the Women's International Democratic Federation Mission to North Korea, 1951 // *Contemporary European History*. 2016. Vol. 25, no. 2. P. 313–333.

⁵ *Poulos M.* Transnational militancy in Cold-War Europe: gender, human rights, and the WIDF during the Greek Civil War // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2017. Vol. 24, no. 1. P. 17–35.

⁶ *Bonfiglioli C.* Revolutionary networks. Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957). PhD dissertation. Utrecht University. URL: <http://www.uu.nl/faculty/humanities/EN/Current/agenda/Pages/20120914-promotie-bonfiglioli.aspx> (дата обращения: 29.06.2019).

⁷ *McGregor K.* Indonesian women, the women's international democratic federation and the struggle for "women's rights", 1946–1965 // *Indonesia and the Malay World*. 2012. Vol. 40, no. 117. P. 193–208.

⁸ *Popa R. M.* Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year // *Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe* / eds S. Penn, J. Massino. New York, 2009. P. 59–74.

⁹ *Ghodsee K.* Rethinking State Socialist Mass Women's Organizations: The Committee of the Bulgarian Women's Movement and the United Nations Decade for Women, 1975–1985 // *Journal of Women's History*. 2012. Vol. 24, no. 4. P. 49–73.

¹⁰ *Funk N.* A very tangled knot: Official state socialist women's organizations, women's agency and feminism in Eastern European state socialism // *European Journal of Women's Studies*. 2014. Vol. 21, no. 4. P. 344–360.

¹¹ См., напр.: *Курковская Е. И.* Комитет советских женщин. М. 1982; *Борисова Н. В.*: 1) *Нина Попова: жизнь как созидание*. Елец, 2004; 2) *Нина Попова: жизнь и судьба*. Елец, 2008; *Голубь мира Нины Поповой* / сост. Р. А. Григорьева. М., 2010; *Галкина Г. Н.* Комитет советских женщин: Страницы истории (1941–1992). М., 2013; *Синова И. В.* Стержень Т. М. Захаровой в народной дипломатии // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 1. С. 145–152.

¹² *Хасбулатова О. А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 49–59.

¹³ *Ilic M., Reid S., Attwood L.* (eds). *Women in the Khrushchev Era*. London, 2004.

¹⁴ *Ilic M.* Soviet women, cultural exchange and the Women's International Democratic Federation // *Reassessing Cold War Europe* / eds S. Autio-Sarasmo, K. Miklóssy. London, 2010. P. 157–174.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9522. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

¹⁶ Там же. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 99. Л. 58.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 101. Л. 1.

- ¹⁹ *Barghoorn F.* The Soviet Cultural Offensive: the Role of Cultural Diplomacy In Soviet Foreign Policy. Princeton, 1961.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 1. Л. 8.
- ²¹ Там же.
- ²² Подробнее см.: *Нагорная О. С. и др.* Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны (1945–1989). М., 2018.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 7. Л. 56.
- ²⁴ Там же. Л. 1–4.
- ²⁵ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 503. Л. 60.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 101. Л. 1–16.
- ²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 503. Л. 5.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 107. Л. 44–45.
- ²⁹ Там же. Д. 3. Л. 16; Д. 6. Л. 16–17; Д. 153. Л. 89.
- ³⁰ Там же. Д. 6. Л. 24–28.
- ³¹ Там же. Д. 521. Л. 24.
- ³² Там же. Д. 98. Л. 38–41.
- ³³ Там же. Д. 99. Л. 7.
- ³⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 180. Оп. 20. П. 69. Д. 8. Л. 3.
- ³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 361. Л. 95.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 102. Л. 48–60.
- ³⁷ Там же. Д. 103. Л. 19.
- ³⁸ См., напр.: *Синова И. В.* Стержень Т. М. Захаровой... С. 145–152.
- ³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 503. Л. 101.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1. Л. 23–35; Д. 3. Л. 2; Д. 7. Л. 93; Д. 18. Л. 32.
- ⁴¹ Там же. Д. 18. Л. 33–39.
- ⁴² Там же. Д. 101. Л. 1–16.
- ⁴³ Там же. Д. 99. Л. 20–60.
- ⁴⁴ См. об этом: *Нагорная О. С. и др.* Советская культурная дипломатия... С. 404.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 34. Л. 137.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-7928. Оп. 3. Д. 532. Л. 35.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 19. Л. 124.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-7928. Оп. 3. Д. 532. Л. 17.
- ⁴⁹ *Попов А. Д.* Агния Барто — посол советско-британской культурной дипломатии периода холодной войны // *The Newman in Foreign Policy*. 2018. No. 45. P. 22.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 92. Л. 1–29.
- ⁵¹ Там же. Оп. 3. Д. 515. Л. 4.
- ⁵² Там же. Оп. 4. Д. 99. Л. 20–60.
- ⁵³ Там же. Д. 99. Л. 1.
- ⁵⁴ См. подробнее: *Нагорная О. С.* Культурная дипломатия научного сотрудничества и образовательных обменов в эпоху холодной войны // *Нагорная О. С. и др.* Советская культурная дипломатия... С. 115.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 3. Д. 502. Л. 6–7.
- ⁵⁶ Там же. Д. 510.
- ⁵⁷ Там же. Д. 526. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. Д. 516. Л. 44.
- ⁵⁹ Там же. Д. 520. Л. 6.
- ⁶⁰ *Раева Т. В.* Против огня войны: риторическое оформление советского миротворчества // *Нагорная О. С. и др.* Советская культурная дипломатия... С. 236.

Статья поступила в редакцию 11 июля 2019 г.

Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нагорная О. С. Женщины в структурах советской культурной дипломатии холодной войны: пространства мобилизации и практики соучастия // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 2. С. 451–467. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.212>
УДК 94(47).084.9

Аннотация: Представленная статья является частью актуальных дискуссий о пространствах и практиках взаимодействия советских партийно-государственных структур и индивидов, включенных в деятельность (квази)общественных организаций. Дебаты о политической агентности обывателей и частно-государственном партнерстве обогащают наши представления о соотношении принуждения и своеволия в эпоху позднего социализма. На основе архивных материалов советских женских организаций автор исследует неразрешенную в годы холодной войны дилемму советского партийного руководства между транслируемыми вовне образами СССР как страны победившей эмансипации и устойчивостью патриархальных структур, особенно в сфере внешней политики. Стремление мобилизовать потенциал женского движения на международном уровне привело к включению советских активисток в структуры культурной дипломатии. Это позволило СССР до определенных пределов инструментализировать значительный сегмент миротворческого движения, а также транслировать собственные трактовки прав человека, прежде всего на страны третьего мира. Вместе с тем именно попытки давления и контроля приводили к конфликтам внутри международного женского движения и дезавуированию роли СССР как глобального миротворца и воплощения равноправия полов. Допуск советских женщин в сферы международных контактов имел амбивалентные последствия для самих активисток движения. В жестких рамках идеологического давления и ведомственной эксплуатации они могли использовать колоссальные ресурсы системы для реализации собственных убеждений, формировали сеть зарубежных профессиональных и дружеских контактов, способствовали закреплению вопросов защиты материнства и детства в политической повестке стран социалистического лагеря и третьего мира.

Ключевые слова: культурная дипломатия, СССР, холодная война, международные отношения, Международная демократическая федерация женщин, женщины, женское движение.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

Сведения об авторе: Нагорная О. С. — д-р ист. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия); nagornaja.oxana@mail.ru

Ярославский государственный педагогический университет, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

FOR CITATION

Nagornaya O. S. 'Women in the Structures of the Soviet Cultural Diplomacy of the Cold War: Between Mobilization and Participation'. *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 9, 2020, pp. 451–467. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.212> (In Russian)

Abstract: This article discusses the involvement of women in structures of Soviet cultural diplomacy, as well as complicated negotiations between cultural-diplomatic actors and party-state structures, a complex interweaving of institutional and ideological influences "from above" with the stubbornness of lay diplomats. At the center of the investigation are their gradual professionalization and generational change. Archival materials on Soviet party-state authority and (quasi) civil organizations reflect a discursive, institutional, and partly individual dimension of the Soviet women's movement and its activities at the international level. The author concludes that in attempting to exploit the potential of women's issues outside the country, the Soviet party-state found no solution to contradictions between the ambitious role of women in the Cold War and their own patriarchal patterns. After the late 1960s, the women's issue also developed in global contexts of human rights. If within the USSR the topic was perverted in public discussions, at the international level it developed independently. This questioned the image of the Soviet Union as a country where gender equality was already realized. The gradual discrediting of

the USSR as the main peacemaker made further use of the peace issue within the women's movement more problematic. Afterwards, activities of the Soviet Women's Committee were formalized as a bureaucratic practice, more focused on domestic audiences.

Keywords: cultural diplomacy, USSR, Cold War, international relations, Women's International Democratic Federation, women, women movement.

This research was supported by Russian Science Foundation (RSF), project no. 16-18-10213.

Author: Nagornaya O. S. — Dr. Sci. in History, Professor, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia); nagornaja.oxana@mail.ru

Yaroslavl State Pedagogical University, 108/1, ul. Respublikanskaya, Yaroslavl, 150000, Russia

References:

- Barghoorn F. *The Soviet Cultural Offensive: the Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy* (Princeton, 1961).
- Bonfiglioli C. *Revolutionary networks. Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957)* [PhD Dissertation] (Utrecht, 2012).
- Borisova N. V. *Nina Popova: life and fate* (Elets, 2008). (In Russian)
- Borisova N. V. *Nina Popova: life as a creation* (Elets, 2004). (In Russian)
- Donert C. 'From Communist Internationalism to Human Rights: Gender, Violence and International Law in the Women's International Democratic Federation Mission to North Korea', *Contemporary European History*, vol. 25, no. 2, 2013. DOI: 10.1017/S0960777316000096.
- Dove of Peace of Nina Popova*, comp. by R. A. Grigoriev (Moscow, 2010). (In Russian)
- Funk N. 'A very tangled knot: Official state socialist women's organizations, women's agency and feminism in Eastern European state socialism', *European Journal of Women's Studies*, vol. 21, no. 4, 2014. DOI: 10.1177/1350506814539929.
- Galkina G. N. *Soviet Women's Committee: pages of history (1941–1992)* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Ghodsee K. 'Rethinking State Socialist Mass Women's Organizations: The Committee of the Bulgarian Women's Movement and the United Nations Decade for Women, 1975–1985', *Journal of Women's History*, vol. 24, no. 4, 2012.
- Haan de F. 'Continuing Cold War Paradigms in Western Historiography of Transnational Women's Organisations: the Case of the Women's International Democratic Federation (WIDF)', *Women's History Review*, vol. 19, no. 4, 2010. DOI: 10.1080/09612025.2010.502399.
- Ilic M. 'Soviet women, cultural exchange and the Women's International Democratic Federation', *Reassessing Cold War Europe*, eds S. Autio-Sarasmö, K. Miklóssy (London, 2010).
- Ilic M., Reid S., Attwood L. (eds). *Women in the Khrushchev Era* (London, 2004).
- Khasbulatova O. A. 'Technology to create the myth of gender equality', *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, 2018. (In Russian)
- Kurkovskaya E. I. *Soviet Women's Committee* (Moscow, 1982). (In Russian)
- McGregor K. 'Indonesian women, the women's international democratic federation and the struggle for "women's rights", 1946–1965', *Indonesia and the Malay World*, vol. 40, no. 117, 2012. DOI: 10.1080/13639811.2012.683680.
- Pieper Mooney J. E. 'Fighting fascism and forging new political activism: The Women's International Democratic Federation (WIDF) in the Cold War', *De-Centering Cold War History. Local and Global Change*, eds J. E. Pieper Mooney, F. Lanza (London, 2013).
- Popa R. M. 'Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year', *Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe*, eds S. Penn, J. Massino (New York, 2009).
- Popov A. D. 'Agnia Barto — Ambassador of the Soviet-British cultural diplomacy during the Cold War', *The Newman in Foreign Policy*, no. 45, 2018. (In Russian)
- Poulos M. 'Transnational militancy in Cold-War Europe: gender, human rights, and the WIDF during the Greek Civil War', *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, vol. 24, no. 1, 2017.
- Raeva T. V. 'Against the fire of war: the rhetorical design of Soviet peacekeeping', *Sovetskaia kulturnaia diplomatiia v usloviakh kholodnoi voiny (1945–1989)*, ed. by O. S. Nagornaya (Moscow, 2018). (In Russian)

-
- Sinova I. V. 'T. M. Zaharova's Pivot in the Public Diplomacy', *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, 2019. (In Russian)
- Six P.-L. *The party nobility: Cold War and the shaping of an identity at the Moscow State Institute of International Relations (1943–1991)* [PhD Thesis] (Florence, 2017).
- Soviet Cultural Diplomacy in Cold War (1945–1989)*, eds O. S. Nagornaya et al. (Moscow, 2018). (In Russian)

Received: July 11, 2019

Accepted: March 5, 2020